

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА В РАННИХ РАССКАЗАХ Д. СОЛЕВА

Анна Е. Евстратова

Институт славяноведения РАН, Россия

The changes occurring in the Macedonian literature from the middle of the 1950-s to the middle of the 1960-s didn't touch its artistical forms only, but they also touched the contents of works. The prose aspired to decide existential questions, including the question of a moral choice and responsibility connected to it. The last was of special interest for Dimitar Solev (born 1930), the outstanding prose writer, one of the key men in the literary life of that epoch. The first collection of his stories «Thawed snow» (1956) compelled attention of readers and critics right away, because of its aesthetic and ideological novelty. It was followed by the collection «Along the river and against the current» (1960) which developed the tendencies of «Thawed snow» fruitfully and showed the writer's creative growth.

The problem of the moral choice was developed on diverse material in Solev's early stories. First of all, it was the actual military theme which was soil favorable to moral questions, but up to the middle of the 1950-s it was more considered from political positions. Solev is one of the writers who has looked the war newly and has represented it as «a moral examination». At the same time he shows convincingly, that the same moral questions arise at peace. Solev tries to avoid simplification; his stories terminate in a question addressed to the reader often. His purpose is to force the reader to reflect and to refuse the ideological schemes of thinking, imposed by the literature of the previous stage. Solev doesn't achieve great creative success in realizing his intentions at once; but it's obvious that his artistical language is perfected, his psychologism goes deeper, his treatment of moral problems becomes thinner, step by step.

Изменения, произошедшие в македонской литературе в середине 1950-х – первой половине 1960-х гг., затронули не только художественную форму, но и проблематику произведений. На первый план выдвигается не социально-идеологическое, как было в предыдущее десятилетие, а этическое. При этом подходе совершенно естественным оказывается и углубление психологизма, и освоение таких новых художественных приемов, как ретроспекция и внутренний монолог. Проза второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. стремилась если не решить, то, по крайней мере, поставить экзистенциальные вопросы о возможностях человеческой личности в пограничной ситуации, соотношении цели и средств ее достижения, праве на насилие, ценности человеческой жизни, моральном выборе и связанной с ним ответственности. Последняя из перечисленных проблем явно представляла особый интерес для выдающегося прозаика Димитара Солева (род. 1930) – одной из ключевых фигур в литературной жизни рассматриваемой нами эпохи творческих поисков.

Первый же сборник рассказов Солева «Талый снег» стал, по словам историка литературы Милана Гюрчинова, «переломной и исключительно важной книгой для современной македонской прозы» (Ђурџинов 1988: 118), своей эстетической и идейно-содержательной новизной обратившей на себя внимание и читателей, и критики. За ним в 1960 г. последовал сборник «По реке и против течения», не вызвавший такого резонанса, как первый, но выявивший значительный творческий рост писателя и плодотворно развивший намеченные в «Талом снеге» тенденции.

Солев часто обращается к военной теме, которая была актуальна и на предыдущем этапе истории национальной литературы, а теперь предоставляла широкие возможности для постановки волнующих писателя нравственных проблем. В таких рассказах сборника «Талый снег», как «Между двумя ранними вечерами», «Рассвет лучше, чем день» мы встречаемся с критическими, «сугубо военными» ситуациями из жизни подпольщиков. Бранко из рассказа «Между двумя ранними вечерами» должен убить свою любимую девушку, которая, как выяснилось, работает на болгарскую полицию и выдала группу партизан. Владо, героя рассказа «Рассвет лучше, чем день», застал в городе комендантский час, и он вынужден переночевать в доме родителей, где происходит его разговор с отцом, уговаривающим сына сдать оккупантам. Нельзя, однако, не отметить, что в обоих произведениях ситуация выбора только намечена, но еще не разработана. Бранко, хотя и глубоко страдает, но не сомневается в том, что должен убить Веру, причем именно сам. *«Прибывший товарищ сказал: выяснили, кто выдал группу. И затем все время, понимая, что последует за этим и что может произойти, сидя чужой среди своих товарищей, он [Бранко] знал, прежде чем вызвался: именно он вызовется первым в этой тишине. Знал, что все ждут его, хотя ни на кого не смотрел и хотел от них только, чтобы они дали ему потом уйти»* (Солев 1956: 185-186). Если в приведенном эпизоде и можно усмотреть тень психологического колебания, то эта тень – единственная в произведении. Для юноши «все было закончено» сразу после того, как он узнал о предательстве Веры; дальнейшее воспринимается им только как естественное следствие ее поведения, ее нравственного выбора: *«Все было закончено. Неудержимо, словно само по себе и без возврата»* (Солев 1956: 167). Эти слова, появившиеся в начале рассказа, повторяются, становясь его своеобразным лейтмотивом. «Внесценическим» остается и выбор Владо из рассказа «Рассвет лучше, чем день»: внутреннее состояние героя во время диалога с отцом почти не описывается, а на отцовские аргументы молодой подпольщик отвечает: *«Я это давно обдумал»* (Солев 1956: 163). Лишь два замечания указывают на то, что устоять в своей решимости юноше не совсем легко: *«Владо почувствовал какую-то мгновенную слабость и подумал, что попросит старика его оставить; Что-то детское в нем пожалело себя»* (Солев 1956: 164-165). Тем не менее здесь все-таки не идет речь о тяжелой внутренней борьбе или сомнениях в правильности сделанного выбора, а «мгновенная слабость» столь же мгновенно преодолевается.

Более успешно, как нам кажется, художественно исследуется проблема выбора в рассказе «Уход», который Гюрчинов считает одним из лучших в сборнике «Талый снег». Действие его также происходит во время войны (по крайней мере, частично), но интересующий Солева вопрос ставится уже не на «военном», а на «личном» материале, который, пожалуй, в сравнении с рассмотренными выше произведениями, может показаться даже «мелким». Один из эпизодов описывает отношения героя, безымянного студента, с соседкой. Юноша дважды оказывается в ситуации выбора. Сперва это происходит, когда, приехав домой на каникулы, в соседнем дворе он замечает красавицу Милку и завязывает с ней знакомство с единственной целью весело провести время. Образ Милки начинает раздваиваться. С одной стороны, это весьма привлекательная девушка, с которой, однако, у героя нет ничего общего и к которой он не испытывает ничего, хоть сколько-нибудь похожего на настоящую любовь. С другой стороны, студент вспоминает, что знал Милку в детстве, и ее образ как маленькой девочки, постоянно кем-то обиженной и плачущей, долго преследует юношу, почему-то мешая беззаботно веселиться.

Собственно, эта двойственность и символизирует моральный выбор, стоящий перед героем: отнестись ли к Милке как к личности или только как к объекту собственных желаний? Юноша изначально выбирает второе, но не сразу может победить в себе голос совести, воплощенный в образе Милки-ребенка. Случайная связь не делает героя счастливым. Он снова перед выбором: продолжить ли ни к чему не обязывающие отношения с девушкой или прервать их? *«Наутро... он как будто чувствовал себя в чем-то виноватым, потому что избегал встречи с нею [Милкой], а еще более трудным ему казалось с нею заговорить. Его ужасало именно то, что им не о чем было разговаривать. Не появившись в тот день даже в окне, выходящем в Милкин двор, наавтра он уехал, чувствуя себя беглецом, но в то же время зная, что не мог бы остаться»* (Солев 1956: 145-146). Герой уезжает, но не избавляется от смутного чувства вины и сожаления – естественного следствия неправильного нравственного выбора. Кольцевая композиция истории отношений с Милкой подчеркивает мысль о том, что любая жизненная ошибка неизбежно влечет за собой расплату, прежде всего душевную.

Еще сильнее мучает чувство вины героя рассказа «Запретная улица» из сборника «По реке и против течения». И здесь детство становится символом моральной чистоты и связанного с нею душевного мира и спокойствия (хотя и пришлось оно на беспокойное военное время). Рассказчик дружил с девочкой, которая, когда подросла, заболела туберкулезом. Физические изменения, произошедшие с подругой детства в результате болезни, внушают молодому человеку такое отвращение, что он всячески избегает встреч с девушкой. Героиня умирает, а герой остается жить с чувством непоправимой вины: *«С тех пор я не хожу по той улице. Я как будто чувствую себя виноватым, что в мире образовалась пустота, потому что одно живое дыхание больше не может тепло увлажнять землю»* (Солев 1960: 68). Вновь примененная Солевым кольцевая композиция обостряет ощущение непоправимости произошедшего. Тем не менее рассказ парадоксальным образом не оставляет мрачного впечатления. Смерть как высшая форма трагического влечет за собой глубокое осознание героем своей вины, что, в свою очередь, имеет очищающее действие и для него, и для читателя. Раскаяние и скорбь оживляют детскую любовь, связывавшую когда-то героя и героиню и убитую затем эгоизмом юноши, – хотя теперь эта любовь и неотделима для него от чувств раскаяния и скорби. Подобного катарсиса не было в «Уходе», очевидно, потому что его герой лишь в какой-то мере понимает свою ошибку, еще не полностью осознал свою вину перед другими людьми: Милкой (какой бы легкомысленной она ни была или ни казалось ему), а также своей бабушкой, к которой он чувствует, единственно из-за ее старости, такое же отвращение, как некогда герой «Запретной улицы» – к больной девушке.

Военные рассказы сборника «По реке и против течения» по-новому, гораздо более трагично в сравнении со сборником «Талый снег», освещают проблему выбора в жестоких, «пограничных» условиях войны, когда выбирать часто приходится меньшее из двух зол. Наиболее характерен в этом отношении рассказ «Круча». Его героиня, санитарка, пытаясь во время отступления вынести с поля боя раненого партизана Янко, и сама была ранена. Ее спасает другой партизан, но они вынуждены оставить без помощи Янко, про которого не знают точно, жив он или нет. Формально героиня права, но ее продолжает мучить совесть: *«...Но она не пошевелилась и только сказала: «А теперь? А потом?» – сказала, не спрашивая его, словно в бреду, смотря туда, между полем и небом, где остался межевой знак между землей и кровью»* (Солев 1960: 43) – то есть лежащий Янко, трагическая вина перед которым, невольная, но неискупимая, разделила жизнь

женщины пополам, на «до» и «после», подобно межевому столбу. Вопрос, заданный героиней, остается без ответа, и, как представляется, по мысли Солева, ситуация неразрешима.

В рассказе «По реке и против течения», не случайно давшему название всему сборнику 1960 г., Солев использует уже самый современный, злободневный общественный материал, хотя косвенно и связанный со Второй мировой войной. Речь идет о послевоенной судьбе партизана Стояна, имя которого, обычное для Македонии, приобретает символическое значение. История Стояна, которую он излагает рассказчику во время рыбалки, лаконична и проста, но в то же время содержит некую недоговоренность. Последняя, с одной стороны, относится к излюбленным художественным приемам Солева, а с другой, может быть объяснена и цензурно-политическими причинами, вынуждавшими югославских писателей умалчивать о событиях 1948 г. (конflikте между правительствами Югославии и других социалистических стран) или говорить о них весьма и весьма осторожно: «...*Был он партизан, курьер, козья тропа в своем краю, был проверенный связной и политическая надежда, но после освобождения не мог уже этим быть, понял, что уже не может быть таким, кое в чем споткнулся, и на некоторое время его обошли; потом выяснилось, что ничего особенного, люди вернули его на подобающее ему место, но он остался сельским мальчишкой и сыном тенистых гор, он уже не мог быть тем, чем был, когда мог, и он это понял раньше и лучше других, конечно*» (Солев 1960: 91-92). Стоян, отказавшийся от соблазнительной возможности получить соответствующее образование и сделать карьеру, возвращается в свои «тенистые горы». Этому, как можно предположить, послужило не только скромное представление о своих способностях, не только любовь к родному селу, но и разочарование в политических «истинах», меняющихся по распоряжению власть имущих. Пример такой нравственной стойкости современника, его смелости идти «против течения» довольно редок в македонском рассказе середины 1950-х и 1960-х гг.: гораздо чаще встречаются образы бывших партизан, в мирное время неудержимо рвущихся к власти и комфорту («галерею» их портретов открывает Сандре из рассказа Владо Малеского «Смеющийся день» 1954 г.).

Мы видим, что проблема морального выбора и ответственности за него в ранних рассказах Солева разрабатывалась на разнообразном материале. Прежде всего, конечно, это была военная тема, объективно предоставлявшая плодородную почву для постановки острых нравственных вопросов, но до середины 1950-х гг. рассматривавшаяся с идеологических позиций. Солев стал одним из тех писателей, кто подошел к ней по-новому, изображая войну прежде всего как «нравственный экзамен на то, что дано ему [человеку] как человечность» (Солев 1988: 99). В то же время македонский прозаик убедительно показывает: те же вопросы и дилеммы возникают и при самых «мирных», заурядных и житейских обстоятельствах, а последствия сделок с совестью в тылу или в мирное время по сути столь же трагичны, как и на войне. При этом автор всячески старается избежать «черно-белой техники», упрощения: чаще всего его произведения (особенно это характерно для сборника «По реке и против течения») оканчиваются не категоричным морализаторским утверждением, а обращенным к нам явным или скрытым вопросом. Заставить читателя задуматься, заставить его отказаться от идеологических схем мышления, навязанных литературой предыдущего этапа, – такова цель молодого писателя. При ее осуществлении Солев не сразу достигает творческих успехов, но очевидно, что от рассказа к рассказу его художественный язык оттачивается, психологизм

углубляется, трактовка нравственных проблем становится более тонкой. Сборники «Талый снег» и «По реке и против течения» дают нам возможность проследить путь талантливого прозаика от ученичества к мастерству в жанре рассказа – этой, по отзыву самого Солева, «самой совершенной прозаической форме» («Последняя высота» 1970: 297).

Библиографический список

- Đurčinov M.* Nova makedonska književnost (1945–1980) / М. Ѓурчинов. Beograd, 1988.
- Солев Д.* Последняя высота / Д. Солев. М., 1970.
- Солев Д.* Окопнети снегови / Д. Солев. Скопје, 1956.
- Солев Д.* По реката и спроти неа / Д. Солев. Скопје, 1960.
- Солев Д.* Quo vadis scriptor / Д. Солев. Скопје, 1988.